

A man in a dark trench coat and fedora hat stands in the center of the frame. He holds a brown leather briefcase in his right hand, which is glowing with a bright green light. His left hand is partially visible at the bottom right. The background is a city skyline at night, featuring a large, ornate building on the left and modern skyscrapers on the right. A bright lightning bolt strikes the sky above the man. The sky is dark with some clouds and stars. The overall mood is mysterious and futuristic.

Владимир Кожевников

Воронов.

Инженерная сага

Владимир Кожевников
Воронов. Инженерная сага

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Воронов. Инженерная сага / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Сентябрь 1962 года. Москва. Алексей Воронов, инженер из 2024 года, оказывается в теле молодого техника-наладчика. Он пытается выжить в мире, где его знания опережают время на десятилетия, а каждая идея может стоить свободы. Новый институт «Эра», старые станки и партийный куратор Ульянов, который чувствует в нём угрозу. Бюрократия, доносы, слежка — враг пытается сломать его любой ценой. Но у Воронова есть то, чего нет у других: знание будущего. Система автоматизации, которую он создаёт, способна изменить завод — и его жизнь. Однако, чем выше он поднимается, тем ближе опасность разоблачения. Ведь он — не тот, за кого себя выдаёт. Поддержка старого рабочего Семёныча, друга Шелеста и любимой Гали помогает ему идти вперёд, даже когда тени прошлого становятся всё длиннее. Это история о человеке между двумя мирами, о борьбе за своё место в чужом времени и о цене, которую приходится платить за право изменить ход истории.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Эффект бабочки	5
Глава 1. Первый день в «Эре»	7
Глава 2. Бюрократические джунгли	10
Глава 3. Демонстрация	12
Глава 4. Заводские будни	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Кожевников

Воронов. Инженерная сага

Пролог. Эффект бабочки

Москва, сентябрь 1962 года, встречал Воронова запахом прелых листьев и бензина. Четыре месяца, прошедшие с ареста генерала Крылова, казались вечностью. Они текли медленно, как патока, оставляя после себя липкое чувство нереальности. Алексей Воронов, он же техник-наладчик из НИИ-35, стоял у окна своей коммунальной комнаты на Ленинградском шоссе и смотрел, как дворник с методичной скукой сгребает в кучи жёлтые листья. За спиной тихо посапывала Галя, свернувшись калачиком на скрипучей кровати. Её дыхание было ровным и спокойным, но даже во сне она иногда вздрагивала, словно за ней всё ещё гнались тени прошлого.

Воронов перевёл взгляд на своё отражение в оконном стекле. Отражение было чужим — молодое, почти юношеское лицо Алексея Воронова, с коротким светлым ежиком волос и серыми глазами, в которых застыла тень постоянной тревоги. Он всё ещё не привык к этому телу. Иногда, просыпаясь по утрам, он с удивлением рассматривал свои руки — гладкие, без привычного шрама на указательном пальце, без мозолей от клавиатуры. Руки программиста из 2024 года исчезли навсегда, оставив лишь память о другой жизни.

Это была странная жизнь. Жизнь человека, который украл чужую биографию и теперь вынужден носить её, как чужой, плохо сидящий костюм. Он был агентом КГБ, но агентом поневоле, пешкой в большой игре, которую он не до конца понимал. Он был техником-наладчиком, но его познания в аналоговой электронике оставляли желать лучшего. Он был влюблён в Галю, но эта любовь была куплена ценой её безопасности. И он был попаданцем, человеком из будущего, что делало его самым опасным элементом в этой хрупкой реальности.

Мысли о будущем обжигали. 1962 год стоял на пороге Карибского кризиса, конца света, которого он, как и все его современники, знал лишь по учебникам истории. Но теперь это была не абстрактная дата, а почти осязаемая угроза, висящая в воздухе, как запах озона перед грозой. Он знал, что Хрущёв и Кеннеди стоят на краю пропасти, и мир затаил дыхание. Но что он мог сделать? Выбежать на Красную площадь и закричать о ракетах на Кубе? Его бы упекли в психушку, не дослушав и половины.

Воронов вздохнул и отвернулся от окна. Он не был супергероем. Он был обычным человеком, который хотел выжить и, если повезёт, сделать мир чуточку лучше. Но как это сделать, когда твой главный инструмент — это знание того, что случится через 60 лет? Знание, которое, как выяснилось, было не таким уж и точным.

Вчера он случайно услышал по «Спидоле» передачу о новом достижении советской электроники. Диктор с пафосом вещал о создании первой в мире интегральной схемы. Воронов чуть не поперхнулся чаем. В его реальности, в его учебниках истории, первая интегральная схема была изобретена в США. А здесь, в этой искажённой версии реальности, его прошлое уже начало распадаться, как туман от первых лучей солнца. Хроники перемен, о которых он думал в первый день, писались не только им. Они писались самой историей, которая, словно отомстив за его вмешательство, начала менять свои правила.

Он вспомнил слова Мируныча, сказанные перед смертью: «Спасай Галю». Он спас её. Но сколько ещё людей он мог спасти? Или, того хуже, погубить?

С улицы донёсся гул грузовика. Воронов взглянул на часы. Было начало седьмого. Через час он должен был быть на новом месте работы. Волков, его куратор из КГБ, устроил ему перевод в «закрытый» НИИ, занимающийся разработкой систем управления для промышленности.

Официально — для внедрения передовых технологий. Неофициально — чтобы он был под рукой и под контролем. Новый директор, говорят, был молодой и перспективный, но слишком «технарь», чтобы разбираться в политических интригах.

Воронов тихо подошёл к столу, взял папку с документами. На первой странице жирным шрифтом было напечатано: «Акционерное общество?» Он усмехнулся. В СССР 1962 года такого понятия не существовало. Но это была его идея, его маленькая диверсия против догм плановой экономики. Идея создания обществ с ограниченной ответственностью для реализации пилотных проектов, чтобы обойти бюрократический барьер. Он вспомнил вчерашний разговор с Волковым. Куратор сидел напротив, в его маленькой, прокуренной комнате, и слушал, как Воронов сбивчиво объясняет концепцию: «Представь, мы создаём структуру, которая работает как частное предприятие, но на государственные деньги, и все прибыли идут на развитие. Это позволит нам запускать проекты без согласования в Госплане. Например, я хочу предложить новую систему автоматического управления для станков — это сэкономит миллионы, но, чтобы её утвердить, нужно пройти сто кругов ада. А с таким обществом мы запустим пилот за полгода». Волков тогда скептически скривился: «Ты хочешь, чтобы я пошёл в ЦК с этим? Да меня засмеют!» Но в глазах его зажегся холодный, цепкий огонёк. «А если сказать, что это новая форма социалистической организации труда?» — спросил Воронов. Волков долго молчал, потом взял бумагу. «Хорошо. Я попробую продавить это через Косыгина. Но если что-то пойдёт не так, я скажу, что это была твоя инициатива».

Воронов убрал папку. «Если я хочу здесь выжить, — подумал он, — я должен перестать быть просто Вороновым, техником-наладчиком. Я должен стать инженером. Архитектором новой реальности».

Он подошёл к кровати и наклонился к Гале. Она улыбнулась во сне. Её тёмные волосы разметались по подушке. Он осторожно коснулся её щеки, и она открыла глаза.

— Уже уходишь? — прошептала она, сонно шурясь.

— Да. Первый день на новом месте. Не волнуйся, я скоро вернусь.

— Будь осторожен, Лёша. — Она приподнялась на локте, и в её взгляде мелькнула привычная тревога. — Ты обещал, что всё будет хорошо.

— Обещал. — Он поцеловал её в лоб. — И сдержу слово.

Он надел пиджак, взял портфель и вышел в коридор. Коммуналка просыпалась: пахло жареным луком, где-то шумела вода, на кухне кто-то громко спорил. Воронов вышел на лестницу и вдохнул прохладный утренний воздух. Москва жила своей жизнью, не подозревая, что в этом городе есть человек, который знает её будущее. И что это будущее уже начало меняться.

Глава 1. Первый день в «Эре»

Новый НИИ располагался не в центре Москвы, а на юго-западе, в районе, который только начинал застраиваться. Вместо привычных сталинских высоток здесь росли серые панельные коробки, ещё пахнувшие бетоном и свежей краской. Институт «Эра» (так он назывался) представлял собой несколько мрачных зданий, окружённых забором с колючей проволокой. У проходной стоял строгий вахтёр, который тщательно проверил пропуск Воронова, сверил его с фотографией и только после этого махнул рукой, разрешая войти.

«Место, где рождается будущее советской электроники, — с иронией подумал Воронов, проходя по коридору, где пахло мастикой и казённым тряпьем. — А выглядит как тюрьма».

В отделе, куда его распределили, было тесно. За длинными столами, заставленными осциллографами и паяльниками, сидели люди в белых халатах. Они были молоды, но лица их выглядели уставшими. Никто не обратил на Воронова особого внимания. Только пожилой инженер с густыми седыми бровями, сидящий в углу, поднял голову и посмотрел на него поверх очков. Это был начальник отдела, Александр Петрович Громов.

— Воронов, значит, — сказал он, не вставая. Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь. — Слышал о тебе. Из НИИ-35 перевели. Хороший у тебя послужной список? Техник-наладчик. — Он усмехнулся, и его усы дёрнулись. — Только у нас, брат, не наладка. У нас — творчество, кибернетика, тонкая материя. Здесь мы мыслим, а не шнурки перепайваем. Так что не жди, что будешь просто винтики крутить.

Воронов промолчал, но внутри всё сжалось. «Опять начинать с нуля. Опять доказывать, что ты не просто слесарь с паяльником». Ему это начинало надоедать.

— Садись вон за тот стол, — Громов указал в сторону свободного места. — Изучай документацию. Через неделю сдашь зачёт по схемотехнике. Не сдашь — пойдёшь обратно в свою «наладку».

Воронов сел. Перед ним лежала стопка бумаг. Схемы, какие-то технические описания, инструкции. Всё это было написано на русском языке, но язык этот был чужим. Вместо привычных интегральных микросхем здесь были только дискретные элементы — транзисторы, резисторы, конденсаторы, радиолампы. Это был каменный век электроники, но для 1962 года это был высший пилотаж.

Он вздохнул и начал читать. С каждым абзацем его настроение падало. Он ничего не понимал. Теория была сложной и запутанной, практические рекомендации противоречили друг другу. Он чувствовал себя студентом-первокурсником, который провалил экзамен по высшей математике. Паника подступала к горлу.

«Так, стоп, — мысленно приказал он себе. — Ты не просто так попал сюда. Ты — человек из будущего. У тебя в голове знания, которые здесь и не снились. Просто нужно перевести их на этот язык».

Он закрыл глаза и попытался вспомнить лекции по электронике, которые он слушал в университете. Они были про микроконтроллеры, про логические элементы, про принципы построения вычислительных машин. Но то, что он вспомнил, было слишком абстрактным. Как объяснить здесь концепцию транзисторно-транзисторной логики, если у них только что появились первые планарные транзисторы? Как рассказать о процессорах, если они только начинают экспериментировать с интегральными схемами?

— Эй, новенький! — раздался голос за спиной.

Воронов обернулся. Рядом стоял молодой парень с веснушчатым лицом и копной рыжих волос. Он был одет в такой же белый халат, но на его лице сияла добродушная улыбка.

— Ты, я смотрю, совсем закрутил. — Он пододвинул стул и сел напротив. — Это от документации. Она у нас специально сделана такой, чтобы новичков отпугивать. Меня, кстати,

Вадимом зовут. Вадим Кораблёв. А ты — Воронов, да? Слышал, ты из «тридцать пятого»? Говорят, там секретные разработки вели.

— Было дело, — уклончиво ответил Воронов. — Но теперь я здесь.

— И правильно, — Вадим понизил голос. — У нас тут хотя бы не так душно. Да, начальник — старый пердун, но он в своём деле знает толк. Если докажешь, что ты чего-то стоишь, он тебя зауважает. Слушай, у меня тут есть одна идея. Пойдём, покажу.

Он встал и поманил Воронова за собой. Воронов, благодарный за передышку, последовал за ним. Они прошли через лабиринт коридоров и оказались в небольшой мастерской, заставленной приборами. На столе лежала наполовину собранная плата.

— Вот, смотри, — Вадим указал на неё. — Это мой проект. Усилитель низкой частоты. Вроде бы схема простая, но я уже месяц буюсь с помехами. Наводка идёт откуда-то, я никак не могу убрать фон. Может, глянешь свежим взглядом?

Воронов подошёл к столу. Он посмотрел на плату, на схему, которая была прикреплена к стене. На мгновение он впал в ступор. «Заземление? Тут всё сбито в кучу», — подумал он. Его пальцы сами потянулись к плате, начали механически перебирать проводники, и вдруг наткнулись на толстый экранированный провод, проходящий рядом с силовой шиной. Он ткнул в него:

— Может, здесь проблемы? Попробуй поставить экран на входе.

Вадим с сомнением перепаял экран, но в динамике по-прежнему раздавался отвратительный гул. Воронов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он ошибался. Тогда он закрыл глаза, пытаясь заглянуть в свою память, в тот университетский курс, который он считал навсегда забытым. «Звезда, — внезапно всплыло слово. — Принцип звёздного заземления. Вход — в одну точку. Выход — в другую. Силовые — отдельно». Он открыл глаза.

— Попробуй сделать звезду, — сказал он. — Соедини все земли в одной точке, у источника питания. И экранированный провод веди отдельно, подальше от силовых цепей.

Вадим удивлённо поднял бровь.

— «Звезду»? Это что за метод?

— Гальваническое развязывание земляных шин, — пояснил Воронов, чувствуя себя профессором, читающим лекцию школьникам. — Тогда высокочастотные токи не будут проходить по общему сопротивлению земли и создавать паразитную обратную связь. И вот ещё что: попробуй поставить конденсатор на питание ламп, по 0,1 микрофарады, прямо возле каждой.

Вадим смотрел на него с недоумением, но в глазах уже загорался интерес.

— Ладно, попробую твой метод.

Он взялся перепаявать, а Воронов отошёл к стене и прислонился к ней. Он чувствовал, как отхлынуло напряжение. Он может быть полезен. Он может не просто выживать, но и менять мир вокруг себя. Однако в душе закралось сомнение. «А что, если я ошибаюсь? Вдруг мои знания здесь неприменимы? Что, если я просто разрушу их технику?»

Он вспомнил предостережение Волкова: «Ты не имеешь права ошибаться. Каждая твоя ошибка — это угроза стране». Но он не был идеальным. Он был человеком. И, возможно, это было его главное преимущество. И его главное проклятие.

В этот момент он взглянул на часы. Был уже обед. Он вышел в коридор, чтобы проветриться, и вдруг увидел, как из кабинета директора выходит пожилой человек в строгом костюме. Это был кто-то из местного партийного начальства. Он быстро прошёл мимо, не взглянув на Воронова. Но Воронов успел заметить, как директор, провожая незнакомца взглядом, непроизвольно сжал край стола пальцами. Жест был едва заметным, но в нём читалось напряжение. Или ожидание.

«Он не просто боится, — подумал Воронов. — Он ждёт чего-то».

Когда он вернулся в мастерскую, Вадим уже закончил перепайку. Он включил усилитель и приложил ухо к динамику. В динамике царила мёртвая тишина. Фона не было.

— Чёрт возьми, Воронов! — воскликнул Вадим. — Работает! Ты гений! Откуда ты это знаешь?

— Опыт, — коротко ответил Воронов, улыбнувшись. — С опытом всё приходит.

Но сам он знал, что это не опыт. Это было знание из будущего, которое теперь, как тонкая нить, прошивало ткань этого мира. И что из этого выйдет, он не мог даже предположить.

Глава 2. Бюрократические джунгли

Первая неделя в «Эре» прошла как в тумане. Воронов сидел за своим столом, перебирал схемы, делал вид, что вникает в документацию, а на самом деле лихорадочно придумывал, как подступиться к главному — к внедрению своей первой идеи. Он знал, что система автоматического управления для станков, которую он мысленно набросал ещё в НИИ-35, могла сэкономить заводу «Красный пролетарий» до двадцати процентов электроэнергии и повысить точность обработки на порядок. Но здесь, в «Эре», его считали новичком-перебежчиком, и никто не собирался давать ему зелёный свет.

Единственным, кто проявил к нему интерес, был Вадим Кораблёв. Рыжий парень теперь то и дело заглядывал в его сторону, подмигивал, иногда приносил чай и делился слухами. Именно от Вадима Воронов узнал, что в институте существует негласный кружок молодых инженеров, которые раз в неделю собираются в буфете и обсуждают не столько идеологию, сколько практические проблемы внедрения передовых разработок. Они называли себя «кибернетиками», но в отличие от шестидесятников-идеалистов, они говорили о конкретных станках, о нехватке импортных транзисторов, о том, как обмануть Госплан, чтобы получить нужные детали.

— Там есть один парень, Володя Шелест, из лаборатории №7, — шепнул Вадим в пятницу, когда они остались вдвоём в мастерской. — Он в прошлом году сам пытался внедрить систему ЧПУ на заводе, но его зарубили на корню. Говорят, он тогда с Ульяновым крупно поссорился. Теперь он осторожен, но, если ты предложишь что-то дельное, он может помочь.

Воронов задумался. Знакомство с Шелестом могло открыть двери, но если Ульянов — партийный куратор — уже настроен против, то любой контакт с опальным инженером мог навлечь подозрения.

— А когда собираются? — спросил он.

— В понедельник, после работы, в буфете у третьего корпуса. Я скажу, что ты свой.

В понедельник Воронов пришёл в буфет, где за дальним столиком сидела группа молодых людей. Они пили чай с баранками, но разговор был деловой: кто-то жаловался на брак в поставках, кто-то хвастался удачным пересчётом в смете. Володя Шелест, худощавый парень с залысинами, сразу же взял быка за рога.

— Слышал, ты предлагаешь систему автоматического управления на базе транзисторной логики, — сказал он, внимательно глядя на Воронова. — Где ты это взял? Я сам такую же пытался сделать год назад, но у меня ничего не вышло — транзисторы грелись и вылетали. Что у тебя за схемотехника?

Воронов почувствовал себя неуютно. Он не ожидал прямого допроса. Он начал объяснять принцип «звёздного заземления» и дросселей на входе, но Шелест перебил:

— Это я знаю. А как ты решаешь проблему с температурной стабильностью? В заводских цехах жара, схема будет дрейфовать.

Воронов замялся. На самом деле он не продумал этот момент. Его проект был лишь наброском, а не готовой конструкцией. Он почувствовал, как внутри поднимается паника.

— Я... я ещё не всё просчитал, — признался он. — Но у тебя ведь были старые расчёты? Может, ты поделишься? Чтобы я не наступал на те же грабли.

Шелест удивлённо поднял бровь, потом усмехнулся.

— Ловко ты, Воронов. Хочешь мои шишки переложить на свою дорогу? Ладно, принесу в среду. Но если будет толк — я помогу с внедрением. Только учти: Ульянов не любит самодельщиков. Он тебя насквозь видит. Если он узнает о твоих планах раньше времени — всё зарубят.

Воронов кивнул, но внутри поселилась тревога.

На следующее утро он написал проект на имя директора и отправил через секретаря. Ответа не было три дня. На четвёртый день его вызвал Громов. Старый инженер сидел, положив руки на стол, и смотрел на Воронова с кислой миной.

— Ты это серьёзно? — спросил он, показывая на бумагу, лежащую в стопке «отложено». — Система управления? Ты хоть представляешь, что у нас нет таких мощностей? И потом, кто будет внедрять?

— Я могу сделать опытный образец, — ответил Воронов, стараясь говорить твёрдо.

— Образец? А детали где возьмёшь? У нас каждый транзистор на счету. Я не могу выделить тебе ресурсы без санкции Ульянова. А он, скажем так, не в восторге от «энтузиастов». — Громов помолчал, потом добавил: — Но, если ты принесёшь мне работающий макет, я посмотрю. И тогда, может быть, поговорю с директором.

Воронов вышел из кабинета, сжимая кулаки. Работающий макет — это был вызов. Но он хотя бы знал, чего добиваться. Он нашёл Вадима и сказал:

— Нам нужно делать самим. Собери мне детали. Я соберу образец на коленке.

— Ты с ума сошёл! — Вадим побледнел. — Меня же уволят!

— Не уволят, если никто не узнает. А если узнают, скажешь, что я тебя заставил.

Вадим поколебался, но в его глазах зажёгся азарт.

— Ладно. Но если что — я тебя не знаю.

Воронов просидел в мастерской до полуночи. Он паял плату, проверял соединения. Когда он включил блок, лампочка зажглась, но через минуту погасла. Он проверил мультиметром — транзистор перегрелся. Он выругался сквозь зубы. Пришлось пересмотреть схему, добавить радиатор, изменить развязку. Только к двум часам ночи система заработала ровно.

Он откинулся на стуле, чувствуя, как гудит голова. Он сделал это. Но понимал: завтра его ждёт новая битва.

Когда он пришёл домой, Галя не спала. Она сидела у окна, бледная.

— Ты снова пропадаешь до ночи, — сказала она. — Это связано с твоей «особой» работой? С КГБ?

— Нет, — устало ответил он. — Это просто работа.

— Лёша, если тебя опять втянут в это, я не выдержу. Я не хочу снова терять тебя.

Он подошёл, обнял её.

— Всё будет хорошо. Просто дай мне время.

На следующий день ему позвонил Волков. Голос куратора был сухим и напряжённым:

— Воронов, ты начал какие-то движения в «Эре». Ульянов уже навёл о тебе справки. Он недоволен. Держи ухо востро. Кстати, он раньше работал в органах — так что он знает, как искать компромат.

Воронов положил трубку. Партийный куратор с чекистским прошлым — это был не просто бюрократ, а опытный игрок. И он уже взял след. Значит, Воронову оставалось лишь одно: обогнать его на повороте, пока не поздно.

Глава 3. Демонстрация

Прошло два дня с тех пор, как Воронов закончил макет. Он спрятал его в старом ящике в мастерской, накрыв тряпкой, и каждый раз, проходя мимо, чувствовал, как в груди поднимается волна одновременно гордости и страха. Макет работал. Это был маленький, неказистый блок с транзисторами, резисторами и конденсаторами, но он стабильно поддерживал заданную скорость вращения двигателя, имитирующего работу токарного станка. Это было доказательство концепции. Теперь нужно было показать его тем, кто принимает решения.

Воронов понимал, что идти напрямую к директору — опасно. Директор института, Игорь Борисович Савин, был человеком технически грамотным, но, как говорили, находился под сильным влиянием Ульянова. Если Воронов явится к нему без согласования, Ульянов может перехватить инициативу и представить всё как самоуправство. Нужен был другой путь.

Он посоветовался с Шелестом. Тот, изучив макет, одобрительно кивнул.

— Это действительно работает, Воронов. Я знаю, как это продвинуть. У нас через неделю запланирован техсовет, на котором будут присутствовать представители завода. Ты можешь показать свой макет там, как часть доклада о новых разработках. Главное — чтобы Громов не зарубил это на корню.

— А как быть с Ульяновым? — спросил Воронов.

— Ульянов на техсоветах обычно сидит и молчит, если ему не дают повода. Но если ты выступишь слишком смело, он может вмешаться. Держись скромнее, говори о «маленьком эксперименте», а не о «революции». И тогда он не придерётся.

Воронов согласился. Он начал готовить короткий доклад.

День техсовета наступил в четверг. Воронов нервничал, как перед экзаменом. Он стоял в коридоре, держа в руках макет, и слышал, как в зале гудят голоса. Когда его вызвали, он вошёл, стараясь не показывать волнения. За длинным столом сидели начальники лабораторий, главный инженер, представители завода и, в углу, Ульянов — плотный мужчина с седой щетиной и холодным взглядом. Он сидел неподвижно, как статуя, но его глаза следили за каждым движением Воронова. Это было неприятное ощущение — быть под прицелом.

Громов, председательствующий на совете, нехотя разрешил Воронову выступить.

— Ну, показывай, что там у тебя.

Воронов подключил макет к стенду, включил питание. Двигатель дёрнулся, но стрелка тахометра не шелохнулась. В зале послышался лёгкий шум. Кто-то за столом усмехнулся. Воронов почувствовал, как по спине пробежал холод. Он проверил контакты, увидел, что перегорел конденсатор. Быстро заменив его, он снова включил питание. На этот раз двигатель загудел ровно, стрелка замерла на нужной отметке. Воронов выдохнул, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Пришлось заменить перегретый конденсатор, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Старый запасной, но он не выдержал нагрузки.

Он начал менять нагрузку, и стрелка оставалась неподвижной. В зале послышался одобрительный гул. Главный инженер завода, пожилой мужчина в очках, оживился.

— Это ваша разработка? — спросил он. — Очень стабильная работа. Какую точность вы закладываете?

— В пределах одного процента от заданного значения, — ответил Воронов. — При использовании стандартных транзисторов.

Началось обсуждение. Кто-то задавал технические вопросы, кто-то спрашивал о себестоимости. Главный инженер уточнил: «А сколько это будет стоить в серийном производстве?» — «Около трёхсот рублей за блок, если использовать наши стандартные компоненты», — ответил

Воронов. Заводской представитель одобрительно кивнул. Воронов чувствовал, как напряжение понемногу отпускает.

Внезапно в разговор вмешался Ульянов. Его голос был низким и вкрадчивым.

— Позвольте узнать, товарищ Воронов, а где вы брали детали для этого макета? Насколько я знаю, у нас нет свободных фондов.

Воронов замер. Он не был готов к этому вопросу.

— Детали... я использовал старые запасы, списанные, — сказал он, стараясь говорить уверенно.

— Списанные? — Ульянов приподнял бровь. — Но списанные детали должны быть утилизированы, а не использованы в самодельных конструкциях. Это нарушение инструкции.

В зале повисла тишина. Воронов понял, что Ульянов играет свою игру. Он не хотел дать проекту зелёный свет, даже если он работал.

— Я взял их с разрешения начальника мастерской, — ответил Воронов, глядя на Громова.

Громов сидел с каменным лицом, но в этот момент Воронов заметил, как его взгляд скользнул по главному инженеру завода и задержался на нём. Громов, видимо, понял, что этот проект может принести его отделу престиж и, возможно, дополнительные фонды. Он выпрямился и сказал:

— Я дал разрешение на эксперимент. Если товарищ Ульянов считает, что это нарушение, я готов оформить все бумаги. Но пока макет работает, и мы видим результат, я считаю, что это достойно внимания.

Ульянов скривился, но промолчал. Это была победа, но Воронов понимал — временная.

После совета к нему подошёл главный инженер завода, Николай Петрович, и сказал:

— У нас есть проблемы с автоматикой на линии. Если ваш макет можно масштабировать, мы готовы рассмотреть его для опытной эксплуатации. Приходите завтра на завод, поговорим. Мне нужны конкретные сроки и смета.

— Спасибо, завтра буду, — ответил Воронов, чувствуя, как внутри разливается тепло.

Он вышел из зала с лёгкой головой. Первый шаг был сделан. Но он знал: Ульянов не простит ему этого. Он видел, как тот сжал ручку блокнота, когда Громов взял его сторону. Это был жест сдерживаемой ярости.

Вернувшись домой, он рассказал Гале. Она обняла его, но в глазах по-прежнему стояла тревога.

— Ты опять нарываешься на неприятности, Лёша. Ульянов будет мстить. Я сегодня слышала от соседки, что он уже расспрашивал о тебе — кто ты, откуда, где живёшь. Он копает под тебя.

— Пусть, — ответил он. — Я не сдамся.

Ночью он лежал без сна. За стеной тикали старые ходики, где-то за окном брехнула собака, а потом наступила тишина. Он вспомнил взгляд Ульянова — холодный, цепкий, как у охотника, который взял след. Воронов знал: завтра на заводе его ждёт не просто разговор о технологии, а первый раунд боя с тенью. Но он был готов.

Глава 4. Заводские будни

Утро пятницы встретило Воронова хмурым небом и мелким дождём. Он стоял на проходной завода «Красный пролетарий», вдохнул запах мазута и горячего металла, и почувствовал, как внутри всё сжимается. Завод был огромным — цеха тянулись на километры, над крышами возвышались трубы, из которых валил серый дым. Это был мир, где рождались станки, но где каждая идея проходила через горнило практики.

Главный инженер Николай Петрович встретил его в своём кабинете — небольшой комнате с картами, схемами и портретами классиков марксизма на стенах. Он был суховат, но приветлив.

— Ну что, Воронов, покажешь свой макет в деле? — сказал он, поправляя очки. — У нас тут станок 1К62, старый, но верный. Проблема с точностью: при перепадах напряжения в сети брак достигает пятнадцати процентов. Допуск у нас — плюс-минус две сотых миллиметра, а уходит до десяти. Если твоя система сможет держать стабильность, мы будем благодарны.

— С удовольствием, — ответил Воронов, доставая блок.

Они прошли в цех. Гул стоял такой, что разговаривать приходилось почти криком. В воздухе висела маслянистая взвесь, пахло окалиной и смазкой. У станка уже собрались несколько рабочих, в том числе пожилой мужчина с седыми усами, в замасленной спецовке, которая была белой от соли пота на спине. Он стоял, скрестив руки на груди, и внимательно наблюдал, его глаза — мудрые и чуть насмешливые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.